

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

29 декабря 2011 – 12 января 2012

☞

А.В. Прокофьев

«Тональность» и «содержание» поступка

(реплика в обсуждении доклада

О.П. Зубец «Долженствующая единственность»)

Я планировал высказать несколько соображений о тексте Бахтина, или даже впечатлений от этого текста. Но думаю, что соображениям о тексте логично предпослать отклик на развернувшуюся сегодня полемику.

Прежде всего, в отношении тезиса о том, что задача (или просто существо) философии состоит в конституировании ценностных миров и создании новых языковых конвенций. Определенно, это не является преобладающим пониманием ее сути и задач. Если, конечно, не предполагать, что философия постоянно делала что-то такое, что не рефлексировалось на уровне сознательного целеполагания. Подчеркну, что этот факт совсем не исключает возможности философствования именно в данном ключе – философствования как художественного самовыражения посредством не образов, но концептов. Однако в связи с этим фактом для так философствующего субъекта крайне остро стоит вопрос об адекватных способах самопрезентации. Во всяком случае язык описаний опыта (если тот не сугубо личный), прояснения смысла тех или иных известных читателю культурных феноменов и т.д. обретает для него во многом метафорический (условный) характер. И если эта метафоричность (условность) не находит выражения в тексте, то есть если текст строится в терминологическом и жанровом порядке «философии как корректного и непротиворечивого описании феноменов», то настороженное или даже раздраженное восприятие читателя вполне естественно. В особенности, если рассуждение ведется в категориях, которые, хотя и не имеют строгого и общепризнанного значения, но хотя бы указывают на n-ое явление, и любой человек, употребляющий их, имеет пусть приблизительное представление, о чем именно говорит.

Таково, например, понятие «мораль». В отличие от заведомо интерпретационных, лично ориентированных, «конструктивистских» концептов этики (ну, пусть будет «смысл жизни»), слово «мораль» подразумевает устойчивые, хотя и требующие уточнения, смыслы. Отвечать на вопрос, что такое мораль, и игнорировать эти смыслы, а тем более игнорировать вопрос о том, почему они столь устойчивы, означает обрекать себя на непонимание со сто-

роны любого собеседника. Даже односторонний и недостаточно аргументированный отбор какой-то части этих смыслов будет иметь тот же результат.

В очень похожем положении находятся понятия универсальности и универсализуемости. Если они как-то присутствуют в мире уникального поступающего субъекта, описанном О.З., то нельзя понять, в чем они состоят. Универсальность проявляется как обращенность требования к каждому и как сохранение требованием своей силы, применительно ко всем ситуациям, входящим в определенный класс. Однако в мире единственного теряет свой смысл понятие «каждый», в неразрешимый парадокс превращается понятие «требование» и под вопросом находится классификация ситуаций. Я ощущаю точно такие же моменты смысловой напряженности в эстетически очень яркой формулировке из ответа О.З. на комментарий оппонента: «где есть ответственность, там не может быть произвола». В особенности, если под ответственностью понимать не некое отношение к самому себе в связи с нравственным качеством действия, а исключительно признание некоего действия «своим».

Проблема корректной самопрезентации распространяется и на историко-философские аллюзии. В большинстве своем философские тексты не выражают конструктивистской или, используя термин исследователей Ницше, перспективалистской позиции. Их создатели не подписывались под избранной О.З. парадигмой мышления. Это, в свою очередь, порождает проблему корректного использования их идей в качестве отправной точки или подтверждения собственных мыслей. Понятно, что историко-философские персоналии превращаются при этом не более, чем во временных союзников, а их тезисы – в своего рода точечные, дискретные теоретические прецеденты. Они неизбежно, в силу самого подхода, оказываются лишены широкого контекста, а при возвращении такого контекста могут получать иное значение. Я думаю, что это обстоятельство тоже требует какого-то специального интеллектуального оформления. Иначе подобное обращение к мировой философской традиции превращается в еще одинстораживающий читателя фактор (хотя фактически оно может быть просто особым способом совместного мышления).

Мне сложно, опираясь на текст «К философии поступка», ответить на вопрос о том, в какой мере Бахтин солидаризируется с пониманием философии О.З. Возможно, что свойственное Бахтину предельно широкое понимание поступка (действие, чувство, мысль) и анализ поступка в контексте «долженствующей единственности» сближают в этом отношении автора незавершенного трактата и автора сегодняшнего доклада. Возможно, что бахтинские спецификации «поступка-мысли», а также его (не лишенное пиетета) описание теоретической и даже научной философии разводят их между собой. Но что совершенно очевидно, так это то, что в вопросах понимания природы «нравственности – морали – этики» они часто оказываются в похожей ситуации, с похожими внутренними затруднениями.

С одной стороны, Бахтин задает этическое через «единство... действительного ответственно поступающего сознания», через «поступок-подпись-признание», через «не алиби в бытии», специально подчеркивая, что никакое внешнее содержание не имеет отношения к должному характеру поступка. Он критикует «общность долженствования». Разводит, подчас категорически и радикально, то, что он называет «специальной ответственностью» и «ответственностью нравственной», «специальным долженствованием» и «долженствованием этическим». «На все содержательно значимое может сойти долженствование, но ни одно теоретическое положение не содержит в своем содержании момента долженствования и не обосновывается им. Нет научного, эстетического и прочего долженствования, но нет и специально этического долженствования в смысле совокупности определенных содержательных норм, все значимое со стороны своей значимости обосновывает различные специальные дисциплины, для этики ничего не остается (так называемые этические нормы суть главным образом социальные положения, и когда будут обоснованы соответственные социальные науки, они будут приняты туда)».

Отсюда вполне мог бы следовать однозначный вывод о том, что этическое (нравственное), для Бахтина, это лишь «тональность» – некое формальное качество человеческого существования, совершенно не предполагающее никакой объективной «канвы», общего поведенческого рисунка и т.д. Лишь бы действовать, понимая свою единственность и отождествляя сделанное с самим собой, лишь бы действовать «от себя», не списывая характер своих действий на их внешнюю предзаданность. Однако, хотя некоторые фрагменты Бахтина создают такое впечатление, и, может быть, именно эту мысль и призваны выразить, в его трактате много утверждений иного характера. Утверждений, которые учитывают присущее тому явлению, которое принято именовать словом «мораль», совмещение уникального и всеобщего, глубинно моего и внешним образом заданного. Такие фрагменты сконцентрированы вокруг понятий «значимость», «смысл», «смысловое содержание», «смысловая значимость» поступка. Эта значимость и это содержание, исходя из контекста высказываний Бахтина, вряд ли могут относиться исключительно к сфере относительной нормативности культур, религий и правовых систем.

Например: «Эта ответственность поступка есть учет в нем всех факторов: и смысловой значимости, и фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности; ответственность поступка знает единый план, единый контекст, где этот учет возможен, где и теоретическая значимость, и историческая фактичность, и эмоционально-волевой тон фигурируют как моменты единого решения, причем все эти разнозначные при отвлеченной точке зрения моменты не обедняются и берутся во всей полноте и всей своей правде». Или, еще более примечательно: «Можно пытаться утверждать несущественность,

случайность связи между значимостью смыслового содержания и его эмоционально-волевым тоном для активно мыслящего. Разве не может быть движущей эмоционально-волевой силой моего активного мышления славолубие или [1 нрзб.] жадность [?], а содержанием этих мыслей отвлеченно-гносеологические построения?» Кажется, что может. Но Бахтина в этой возможности что-то не устраивает. И наконец: «Интегрируется и культура в целом, и каждая отдельная мысль, каждый отдельный продукт живого поступка в единственном индивидуальном контексте действительного событийного мышления. Эмоционально-волевой тон размыкает замкнутость и себе довление возможного содержания мысли, приобщает его единому и единственному бытию-событию. Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте». Последний фрагмент, замечу специально, остро ставит вопрос о понимании Бахтиным культуры и о соотношении этого концепта с понятиями «этика», «мораль», «нравственность». Вопрос, требующий отдельного исследования.

В свете приведенных выше и подобных им высказываний неизбежно возникает иное, альтернативное представленному О.З., понимание текста Бахтина. Опираясь на него, Бахтину можно приписать акцентирование ситуативно-личностного характера моральных решений, которые осуществляются в сфере притяжения определенных ценностных ориентиров. Но не более того. Собственный ответ философа на проблему соединения уникального и всеобщего, внутреннего и внешнего в морали, на мой взгляд, просвечивает в итоговом (или, вернее заключительном) замечании трактата. Приведу его полностью. Оно мне кажется важным:

«Конкретное долженствование есть архитектурное долженствование: осуществить свое единственное место в единственном событии-бытии, и оно прежде всего определяется как ценностное противопоставление я и *другого*.

Это архитектурное противопоставление свершает каждый нравственный поступок, и его понимает элементарное нравственное сознание, но теоретическая этика не имеет для выражения его адекватной формы. Форма общего положения, нормы или закона принципиально не способна выразить это противопоставление, смысл которого есть абсолютное себя [нрзб.]. Неизбежно возникнет двусмысленность, противоречие формы и содержания. Только в форме описания конкретного архитектурного взаимоотношения можно выразить этот момент, но такого описания нравственная философия пока еще не знала. Отсюда отнюдь не следует, конечно, что это противопоставление осталось совершенно не выраженным и не высказанным, ведь это смысл всей христианской нравственности, из него исходит и альтруистическая мораль; но адекватного научного выражения и полной принципиальной продуманности этот [нрзб.] принцип нравственности до сих пор не получил».

Конечно, перед нами фрагмент очевидно антинормативистский. Однако это такой антинормативизм, который не устраняет общезначимое, а лишь несколько ограничивает его в правах. Другой в данном случае, конечно, не устраняется, раз противопоставление с ним включено в саму «механику» поступка, раз он дан исходному, «элементарному» нравственному сознанию. Надо ли предполагать, что есть еще более элементарное нравственное сознание, в котором другого еще нет и которое его лишь допускает к своей единственности? Сомневаюсь. Противопоставление я – другой как «конкретное взаимоотношение» не может, по Бахтину, получить адекватное выражение в норме или законе. Однако, оно все же «высказывается» в христианской, шире – альтруистической этике, в которых подразумевается какая-то содержательная, а не только относящаяся к тональности определенность нравственных поступков в отличие от безнравственных. Наконец, по отношению к тому понимаю противопоставления я – другой, которое смутно выражено в христианстве и альтруизме, несмотря ни на что, Бахтиным применяется сочетание слов «принцип нравственности».

В заключение я готов пойти по пути О.З. и использовать текст Бахтина в перспективе «дискретного» понимания и, соответственно, использовать его автора как временного и ненадежного союзника, чтобы вернуться к вопросу о задачах этики (просто этики, без гордого эпитета «философская»). Конечно, в числе задач этики присутствует выявление принципиально личностного характера поступка, словами Бахтина, обращение к «живому поступку». Бахтину представляется, что здесь можно построить какую-то развернутую феноменологию, что исследователю здесь можно много чего сказать. Он специально подчеркивает: «Неправильно будет полагать, что эта конкретная правда события, которую и видит, и слышит, и переживает, и понимает поступающий в едином акте ответственного поступка, несказанна, что ее можно только как-то переживать в момент поступления, но нельзя отчетливо и ясно высказать. Я полагаю, что язык гораздо более приспособлен высказывать именно ее, а не отвлеченный логический момент в его чистоте». Не буду спорить, хотя мне кажется, что здесь гораздо больше «несказанности», чем языковой выразимости. Не случайно сам Бахтин больше говорит о том, как мы упускаем поступок и единственность его субъекта, чем феноменологически представляет их нам. А там, где начинает представлять, оказывается на грани понимания (во всяком случае, моего).

Однако у этики есть и иная задача. Она вытекает из присутствия в поступке не только тональности, но и содержания, которое может быть оценено, в том числе, в общезначимых категориях. Бахтин пишет о том, что «отвлеченно-смысловая сторона, не соотнесенная с безысходно-действительной единственностью, проективна; это какой-то черновик возможного свершения, документ без подписи, никого и ни к чему не обязывающий». При том, что радикальность формулировки меня очень смущает, я готов согласиться с тем, что основания

поступков, находящиеся в сфере принципов, а также в сфере ситуаций, как объективно данных, а не субъективно пережитых, выступают в качестве своего рода «черновиков возможных свершений». Не думаю, что черновики, совсем ни к чему не обязывающих, но, возможно, не доводящих обязательство до его конкретизации в уникальном решении. Нет сомнения, что в этой сфере этике есть, что сказать, и она постоянно говорит здесь свое слово, которое не тождественно слову социологии, правоведения, культурной герменевтики. Ведь хотя деиндивидуализированный «черновик» не тождественен индивидуализированному поступку, он существенно влияет на этот поступок, а в некоторых случаях задает границы возможного (нравственно допустимого). Имея тяготение именно к такой этике, к этике «содержательных черновиков», я воспринимаю рассуждение О.З., равно как и трактат Бахтина «К философии поступка», в качестве повода задуматься о ее границах и мере категоричности ее выводов.